

В. Серошевский

Якутские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Серошевский**
Якутские рассказы / В. Серошевский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
198 с.

ISBN 978-5-458-01746-6

ISBN 978-5-458-01746-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Интересъ, который возбуждаетъ въ настоящее время Сибирь и особенно далекія ея окраины, побудилъ меня собрать въ одно эти рассказы, касающіеся Якутской Области и печатавшіеся разновременно въ польскихъ и русскихъ журналахъ. Въ концѣ я приложилъ три самыя законченныя изъ записанныхъ мною якутскихъ преданій, безъ всякаго измѣненія, какъ образцы рассказовъ о самихъ себѣ описуемыхъ мною людей.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

О с е н ь .

Дождь и слякоть длились безъ перерыва нѣсколько дней и держали дома обитателей юрты «Талака», обрекая ихъ на полную бездѣятельность. Часто выходили они изъ избы и долго и грустно смотрѣли на плачущее небо, вспоминая не сметанное въ стоги сѣно, которое теперь гнило на лугахъ.

Увы! Сѣрая сѣтка дождя охватывала всю окрестность, и низко клубились тяжелыя черныя тучи, среди которыхъ жадный глазъ напрасно искалъ малѣйшаго пятна лазури.

На бѣду ливень не довольствовался дырами въ крышѣ, оставшимися отъ прошлаго года, и надѣлалъ себѣ новыхъ; по всей избѣ лило на голову и на плечи, а

подъ ногами, на глиняномъ полу, образовалась глубокая и все возраставшая лужа.

Всевозможныя нечистоты: остатки пищи, отброски рыбы и дичи, навозъ телятъ— втоптаннныя въ землю и высохшіе за лѣто— отмокли и наполняли юрту невыносимой вонью. Въ ней было душно, сыро и холодно. Огонь камина грѣлъ какъ-то лѣниво, подавленный клубами синяго пара, носившагося по избѣ.

Изба была маленькая. Изъ окружающей ее пустыни она заняла не больше четырехъ квадратныхъ саженей; косыя стѣны, сложенныя изъ поставленныхъ вертикально и очищенныхъ отъ коры стволовъ лиственницы, еще больше уменьшили ея объемъ, суживая ее кверху. Плоская, сдѣланная изъ такихъ бревенъ крыша, повисла такъ низко надъ головами обитателей, что одинъ изъ нихъ, дюжій парень Михайло, стоявшій у крошечнаго окошка, гдѣ онъ распутывалъ сѣти, доставалъ потолокъ своей курчавой головой.

Посреди юрты шла перегородка изъ тесаныхъ досокъ, раздѣляя ее на двѣ половины: правую — мужскую и лѣвую — женскую. У столба, которымъ заканчивалась

перегородка, лицомъ къ огню и охвативъ руками одно колѣно, сидѣлъ и курилъ трубку Кырса *), мой хозяинъ, уже не молодой, но здоровый еще якутъ, зажиточный и самостоятельный господинъ, владѣлецъ цѣлаго хозяйства, многихъ съѣтъ, скотовъ, упряжи и трехъ женщинъ: одной жены и двухъ дочерей. Младшая была уже запродана, но проживала у отца, потому что плата за нее не была еще сполна внесена покупателемъ.

Въ юртѣ царило глубокое молчаніе, вещь довольно необычная въ мѣстѣ, гдѣ находилось нѣсколько якутовъ. Только въ каминѣ трещалъ и шипѣлъ огонь, да за перегородкой шуршали мятыя кожи въ рукахъ двѣушекъ.

Я предчувствовалъ, что тишина эта не кончится добромъ и дѣйствительно, гроза разразилась скоро. Вызвалъ ее работникъ, прозванный «Тряпкой» за свою вялость и физическое убожество. Бродя изъ угла въ уголъ съ самаго утра, онъ опрокинулъ, наконецъ, ведро и разлилъ воду. Это переполнило чашу. Всѣ глаза заискрились, лица поблѣднѣли.

*) «Бѣлая-лисица», прозвище.

Испуганный работникъ попытался свалить вину на Михайлу, который будто потерялъ нужный ремень. Михайло, въ отвѣтъ, припомнилъ прошлогоднія грабли. Завязалась ссора. Языки вращались съ быстротою мельничныхъ колесъ, выскивая обиды и неправды, а надъ всѣми голосами, подобно трубѣ Архангела, раздавались грозные окрики хозяина. Не замедлила и хозяйка выйти изъ своего угла и принять участіе въ общей ссорѣ, съ горячностью, свойственной женщинамъ *цѣлаю* свѣта. Въ юртѣ зашумѣло словно въ возбужденномъ ульѣ: хозяинъ твердилъ свое, хозяйка перечила, работники ругались, дочери выпускали военные окрики; разбуженный ребенокъ плакалъ въ зыбкѣ, а телята мычали, отвѣчая на протяжный громкій ревъ коровъ, которыхъ вечеръ пригналъ уже къ дверямъ юрты. Это послѣднее обстоятельство значительно повліяло на ослабленіе бури, вызвавъ изъ битвы женскій элементъ и, можетъ быть, окончательно прекратило-бы ее, если-бы хозяйину не пришла въ голову счастливая мысль добавить еще что-то, въ то время, когда уже всѣ молчали.

Слово это вылетѣло неожиданно, какъ бомба, выпущенная по окончаніи битвы, и произвело такой страшный взрывъ, что коровы и телята умолкли, сильный вѣтеръ стихъ, тучи скрылись, а я увидѣлъ золотой лучъ солнца, который прокрался въ скважину пузыря въ окнѣ и внезапно появился въ нашей темной, грязной, крикливой конурѣ. Яркій и веселый онъ заигралъ блестящимъ колечкомъ на сѣдой, осриженной головѣ моего хозяина, передъ носомъ котораго, какъ разъ въ этотъ моментъ, торчалъ огромный кукишь, сложенный изъ пальцевъ его супруги.

— Вотъ тебѣ!.. На!.. Съѣшь!..—кричала разгнѣванная, но все-таки прекрасная «Кюмысь».

Фига все приближалась къ раскрытому рту несчастнаго.

Что произошло дальше? Отмстилъ-ли Кырса достойнымъ мушинѣ образомъ, зато наибольшее оскорбленіе, какое только можетъ нанести якутская женщина; или же и на этотъ разъ оказался «бабой своей бабы», мѣшкомъ, какъ его называли сосѣди, и не выбилъ зубовъ, не поломалъ реберъ этой энергичной женщинѣ, трудами которой онъ

жилъ и богатѣль? Не знаю. Предчувствуя неустойку моего пріятеля, у котораго любовь къ женѣ всегда брала верхъ надъ чувствомъ долга, и не желая быть свидѣтелемъ его пораженія, я схватилъ ружье и ушелъ изъ дому.

Вѣтеръ стихъ, разорвались тучи и, раздвинувшись, показали тамъ и сямъ клочки блѣдно-голубого неба. Солнце выглянуло вдругъ въ одно изъ такихъ оконъ и окрестность, за минуту до того тусклая и заплаканная прояснилась и заблестѣла золотымъ свѣтомъ. Она покрылась тономъ полуигривой, полугрустной радости; ея улыбка, ея осеннія тѣни, увядающія и пожелтѣлыя, дѣлали ее походжей на покинутую женщину, которой капризь, уже остывшаго возлюбленнаго, еще разъ подарилъ минуту ласки и счастья. Капли дождя сверкали какъ брилліанты на почернѣвшихъ сучьяхъ деревьевъ и кустовъ; небо окрасилось пурпуромъ, а на колыхавшихся еще талинахъ дрожали жемчужины недавнихъ слезъ минувшей бури.

Передо мной, въ рамкѣ изъ раскинутыхъ вѣтвей лѣса, между двумя обрывистыми мысами, блестѣла поверхность озера. Берега его становились все менѣе ясны,

и ниже, и туманнѣй, по мѣрѣ того, какъ отдалялись и уходили за край ближайшаго обрыва. Тонкія, высокія лиственницы, густой тальникъ, кусты и травы росли вокругъ озера. Издали растенія казались очень маленькими, но отчетливыми и черными, отъ освѣщавшихъ ихъ съ тыла лучей заходящаго солнца и вырисовывались на блѣдно-розовомъ небѣ чудными силуэтами вѣтокъ и листьевъ. Надъ ними повисли сѣрыя, тяжелыя, золотомъ и пурпуромъ пронизанныя облака, а внизу, между обрызганными пѣной берегами, играли, гоняясь другъ за другомъ, окрашенныя въ цвѣта неба волны озера.

Тропой, вьющейся средь пожелтѣвшихъ травъ, пошелъ я лугомъ къ одному изъ обрывовъ.

Какъ некрасиво и понуро выглядѣлъ въблизи «Шайтанъ ту-муль» *). Покатость, поросшая однообразнымъ грязно-зеленымъ мхомъ и листьями морошки, тянулась на западъ мягкими волнами, рѣдкій, тщедушный лѣсъ, растущій на ней, не украшалъ, а безобразилъ ее, торча здѣсь и тамъ го-

*) Лѣсъ дьявола.

лыми особняками, похожими на волоса, торчащіе на облысѣвшей головѣ. Тишина и мракъ надвигающейся осенней ночи покрыли уже подножье бора, и только кое-гдѣ вверху, на скривленной вѣтромъ верхушкѣ листовинницы, догоралъ забытый лучъ солнца.

Я постоялъ съ минуту, присматриваясь къ дикой мѣстности, куда въ эту пору не посмѣлъ-бы пуститься ни одинъ туземець. Глубокій покой царилъ въ ней: все тише шумѣли расколыхавшіяся волны, угасала заря, блеснувъ еще разъ сквозь рѣдкія заросли и освѣтивъ поверхность какихъ-то незнакомыхъ мнѣ водъ. Я пошелъ къ тѣмъ водамъ, гонимый тоской и любопытствомъ.

Дорога оказалась болѣе трудною, чѣмъ я ожидалъ; надо было ежеминутно прыгать и цѣпляться въ заросляхъ, обходить глубокіе узкіе родники, заваленные пнями деревьевъ, упавшихъ сотни лѣтъ тому назадъ, предательски скрывавшіеся подъ нарощими надъ ними мхами и травами, полные воды— ямы съ дномъ ледянымъ и слизкимъ. Здѣсь неосторожный путешественникъ могъ легко проломить себѣ затылокъ или сломать ногу.